

Заглавие документа:

Уланович О.И. ПЕРЕВОД В ПАРАДИГМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ФРЕЙМА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 85 – 95.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Психология речи

Дата публикации: 2012

Издатель: Белорусский государственный университет

Аннотация:

Рассмотрение речевой деятельности в контексте деятельностного фрейма предоставляет уникальную возможность моделирования динамики речевой деятельности, что систематизирует всю теорию вербального поведения человека и задает особый ракурс видения проблем целого ряда научных направлений. Лингво-когнитивная модель перевода в контексте деятельностного фрейма может быть представлена следующим комплексом ключевых фаз: текст на языке оригинала (Ф 1), восприятие оригинального текста (Ф 2), декодирование текста с языка оригинала и формирование ментального образа как результат понимания сообщения (Ф 3), кодирование смыслового содержания на язык перевода (Ф 4), вербализация текста на языке перевода в устной или письменной форме (Ф 5), текст на языке перевода (Ф 6). Речевая переводческая деятельность, в целом, представляется как сложный когнитивно-языковой процесс, аналитико-синтетическая работа органов чувств и мозга, осуществляемая в соответствии с иерархичной структурой деятельностного фрейма, стадийность которой условна в силу параллельности процессов на разных уровнях речевой деятельности.

Уланович О.И., БГУ

**ПЕРЕВОД В ПАРАДИГМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ФРЕЙМА:
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА**

Сложно представить жизнь человека как социального субъекта без речевой деятельности и общения. По определению М.И. Лисиной, «общение есть взаимодействие двух (или более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата» [8, с. 12]. Основным средством общения выступает язык, что

характеризует его не с точки зрения структуры, а основной функции в обществе, в контексте всей психической и социальной жизни людей. Изучая язык в процессе функционирования, как социальный феномен коммуникации и общения, важно включить в сферу исследования и говорящего, и слушающего и изучать те взаимовлияния, которые предполагает это отношение. Такой подход позволит обнаружить и изучить факты языка и речи, которые часто ускользают при сугубо лингвистическом подходе к языку и вербальной коммуникации.

Нельзя не согласиться с мнением И.А. Зимней, которая отмечает, что процесс коммуникации совершенно неправомерно сводить к простой передаче информации (кодированного сообщения) от одного индивида к другому средствами национального языка [4]. Альтернативой такого упрощенного видения общения выступает деятельностное представление о вербальной коммуникации, более соответствующее современному знанию о механизмах речевого процесса.

Становление современных научных направлений, изучающих речь в ее процессуальном (деятельностном) аспекте, приходится на середину XX века. Отграничившись от языковой структуры как предмета языкознания, речь и речевая деятельность стали самостоятельными объектами изучения. В области данного проблемного поля появились труды Л.В. Щербы, А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина и позднее И.А. Зимней, А.А. Залевской, Т.Н. Вержбицкой, Р.М. Фрумкиной и др.

Рассмотрение речи в парадигме деятельности, а речевых событий под углом деятельностного фрейма позволили А.А. Леонтьеву разработать основные положения теории речевой деятельности [5]. Последняя была создана на основе общепсихологической теории деятельности [7], достаточно разработанной и развитой на период середины XX в. Объяснительная сила теории деятельности оказалась достаточной для анализа такого специфического объекта как вербальная коммуникация. Ученый по сути дела осуществил аналитическую работу по адаптации понятийной системы теории деятельности для дальнейшего использования ее как универсальной объяснительной схемы при анализе новой объектной области.

Рассмотрение речевой деятельности в контексте деятельностного фрейма предоставляет уникальную возможность моделирования динамики речевой деятельности, что систематизирует всю теорию вербального поведения человека и задает особый ракурс видения проблем целого ряда научных направлений: лингводидактики, психологии и педагогики, социолингвистики и переводоведения, когнитивной и компьютерной лингвистики.

В качестве объяснительной категории «деятельность» привлечена в теории речевой деятельности дважды.

С одной стороны, речь рассматривается как деятельность. Подобно другим психическим явлениям речь имеет два аспекта – *результативный*

и *процессуальный*. *Результативный* аспект представлен в речевом материале: речевых продуктах (текстах), что выступает предметом исследования лингвистических дисциплин. В теории речевой деятельности рассматривается *процессуальная* (динамическая) сторона речи, что оправдывает употребление термина «речевая деятельность», который выступает собирательной категорией для процессов производства, восприятия речи, а также усвоения языка (родного и иностранного).

С другой стороны, деятельность привлечена в теории речевой деятельности как *схема анализа*, обладающая уникальными и универсальными объяснительными возможностями. Речевая деятельность ставится в один ряд с другими социальными, целенаправленными и мотивированными активностями человека и исследуется с позиции деятельностной схемы, включающей вычленение и анализ отдельных *речевых действий* и *операций* в структуре деятельности.

Так, А.А. Леонтьев представляет речевую деятельность как систему речевых действий, входящих в теоретическую, интеллектуальную или частично практическую человеческую активность [5]. Ведь речевая деятельность – это, по сути, некоторая абстракция, не соотносимая с классическими видами деятельности. Она не самоценна, а в форме отдельных речевых действий обслуживает все виды человеческой активности, входя в состав актов трудовой, познавательной и игровой деятельности. *Речевое действие* выступает интеллектуальным актом, поскольку предполагает постановку цели, планирование, осуществление плана и сопоставление цели с результатом. Речевое действие, в свою очередь, имеет целостную *операциональную структуру*, т. е. реализуется в комплексе *речевых операций*, состав и специфика которых зависят от объективных и субъективных условий совершения действий.

В рецептивных видах речевой деятельности (чтение и аудирование) речевые действия описываются как смысловые решения. В продуктивных (говорение и письмо) – как речевые поступки [5, с. 82]. Для нашего теоретического исследования процесса перевода наиболее значимым представляется понимание речевого действия как смыслового решения, рассматриваемого как совокупность операциональных процедур, выполняемых в языковом сознании для решения переводческих задач.

Теоретико-информационный подход, появившийся и ставший популярным в мировой науке в середине XX в. представляет сущность речевой деятельности человека в виде несколько упрощенной по форме, но совершенно справедливой по сути схематичной модели процесса передачи информации по каналу связи. Процесс языковой коммуникации представляется следующим образом: язык – это код, отправитель сообщения – говорящий, получатель – слушающий. Говорящий с помощью имеющегося у него кодирующего

устройства осуществляет преобразование мысли (кодирование) в последовательность звуковых сигналов (речь), которую с помощью декодирующего устройства воспринимает и понимает слушающий.

Достоинством этой модели является акцентирование того факта, что совершаемые коммуникантами речевые действия в процессе речевого общения выступают сложнейшими интеллектуальными процессами оперирования в сознании знаками и знаковыми системами. При этом не только кодирование информации – перевод мысли с языка интеллекта на естественный язык, но и декодирование – обратный процесс перевода информации с естественного языка на язык интеллекта, представляются активными и продуктивными процессами речемыслительной деятельности человека. Присутствие в деятельности переводчика обоих этих процессов в комплексе с необходимостью оперирования в сознании несколькими (двумя как минимум) системами знаков (языками) превращает перевод в самостоятельный объект исследования когнитивной лингвистики.

Переводческая речевая деятельность представляется особой самоценной разновидностью речевой деятельности и реализует, на что собственно и указывал А.А. Леонтьев, непосредственно профессиональное воплощение языка и речи. Подобно вычленению результативного и процессуального аспектов речи *перевод* также может рассматриваться с точки зрения, во-первых, комплекса совершаемых переводчиком интеллектуально-языковых действий (смысловых решений), т. е. как *процесс*, а, во-вторых, как *результат* этих действий.

В лингвистической теории перевода как разделе языкознания, равно как и в рамках отдельных переводческих дисциплин, перевод анализируется исключительно с позиции *результативного* аспекта деятельности специалиста – с точки зрения оценки качества перевода. Однако изучение «технологии» перевода всегда остается неполным и неинформативным без учета того факта, что перевод в своей самой сокровенной части – это *процесс*, комплекс интеллектуальных перцептивно-мыслительно-мнемических действий, которые быстротечны и интуитивны, и осуществляются на неосознаваемом или слабо осознаваемом уровне.

Моделирование процесса речевой переводческой деятельности должно учитывать присутствие в переводе действий рецептивных и продуктивных, реактивных и инициативных, реализуемых в системах двух языков (двух знаковых систем), отражающих взаимные переходы и трансформации. В разработанной нами модели эти положения были максимально учтены.

Лингво-когнитивная модель перевода в контексте деятельностного фрейма может быть представлена следующим комплексом ключевых фаз: текст на языке оригинала (Ф 1), восприятие оригинального текста (Ф 2), декодирование текста с языка оригинала и формирование ментального образа как результат понимания сообщения (Ф 3), кодирование смыслового

содержания на язык перевода (Ф 4), вербализация текста на языке перевода в устной или письменной форме (Ф 5), текст на языке перевода (Ф 6).

Перевод как *результат* воплощен собственно в тексте на языке перевода (Ф 6), который выступает адекватной моделью текста на языке оригинала (Ф 1) по критериям смысло-содержательной близости и функционально-коммуникативной направленности.

В соответствии с предложенной нами моделью, перевод как разновидность речевой деятельности представляется реализуемым в четырех взаимосвязанных процессах (Ф 2 – Ф 5), из которых восприятие (Ф 2) и декодирование текста на языке оригинала (Ф 3) составляют *процесс смыслового речевосприятия*, а кодирование смыслового содержания (Ф 4) и вербализация текста на языке перевода (Ф 5) интегрируют *процесс речепорождения*.

Принимая конкретное сообщение, которое проникает в сознание переводчика-билингва в виде потока акустических или графических речевых сигналов, переводчик, будучи реципиентом на первой стадии (речевосприятие), декодирует текст, воспринимает и понимает сообщение. Далее имеет место сложный процесс кодирования информации средствами языка перевода и вербализация сообщения (речепорождение). Смысловые решения (речевые действия), принимаемые переводчиком в процессе перевода (кодирования), во многом зависят от соотношения языка оригинала и языка перевода, а также характера решаемой переводческой задачи.

В основе процесса перевода лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся очевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта. Прежде всего, полагается, что в процессе перевода понимание оригинала предшествует его переводу не только в качестве последовательных этапов, но и как обязательное условие осуществления переводческого процесса. Декодирование для переводчика-билингва, можно утверждать, играет ключевую инициальную функцию в самой переводческой деятельности и предваряет завершающую стадию всей деятельности – вербализацию ранее закодированного сообщения на языке перевода.

Восприятие речи (Ф 2) представляется процессом, реализуемым речевыми операциями на двух уровнях: *сенсорном* и *перцептивном*.

На *сенсорном* уровне происходит распознавание графических или акустических образов языковых знаков через соотнесение визуально или аудиально воспринимаемых сигналов с хранящимися в долговременной памяти переводчика эталонами звукоизобразительных символов. В случаях письменнописьменного и письменно-устного форм перевода отсутствие дикторской и аллофонической изменчивости символов в силу их графического представления в тексте оригинала предопределяет быстротечность речевосприятия на сенсорном уровне. При последовательном и синхронном формах перевода индивидуальные артикуляционно-акустические, психофизиологически

обусловленные свойства речи (дикторская изменчивость), качественная вариативность реализации звуков в различном фонетическом окружении (аллофоническая изменчивость) и наличие фонового шума зачастую определяют перевод действий сенсорного уровня с осуществляемых на уровне «бессознательное» на уровень сознательного контроля.

На *перцептивном* уровне восприятия речи осуществляется разборчивость звукосочетаний – слогов, слов, фраз – посредством сегментации речевого потока на отдельные элементы. Наличие речевого опыта обеспечивает перцептивную готовность и снимает сложности разборчивости речи, что затруднено при восприятии иноязычного текста, а в случае восприятия речи на незнакомом языке – неизбежно ошибочно.

Традиционно полагают, что правильное восприятие зависит от фонетических и акустических характеристик звуков в составе звукосочетаний: типичность, маловероятность или совсем невероятность сочетаний для норм речи на этом языке. Существует мнение, что такое препятствие в работе речевого механизма, как затруднение в опознании воспринимаемых элементов, разрешается «сигналами согласования или рассогласования воспринимаемых языковых форм со сложившимися в результате речевого опыта в языковом сознании индивида конкретными эталонами языковых единиц, структурными схемами и метаязыковыми знаниями» [2, с. 138]. На действии этих сигналов основывается функционирование такого механизма языкового контроля, как «чувство языка», а четкость включения и функционирования последнего свидетельствует о богатстве речевого опыта и степени сформированности речевого слуха.

Следующей фазой речевой переводческой деятельности (Ф 3 – декодирование) является осмысление упорядоченных звукосочетаний (слов, цельных синтаксических структур, текстовых блоков), которое может иметь либо положительный, либо отрицательный результат – понимание или непонимание сообщения. *Понимание* текста можно определить как процесс и результат построения в сознании реципиента ментальной репрезентации сообщения путем его перевода с естественного языка на язык интеллекта (ментальный язык) при условии наличия у реципиента необходимых языковых и фоновых знаний [9, с. 178].

Ключевым механизмом восприятия и понимания речи (Ф 2 – Ф 3) является *прогностическая активность реципиента*. Можно смело утверждать, что все без исключения вербально-когнитивные действия, составляющие процесс *речевосприятия*, носят прогностический характер и реализуются по следующей схеме выполнения операций: формирование гипотезы – контроль – принятие решения. Построение гипотезы – главный операционный шаг в перцепции текста. Гипотеза выдвигается реципиентом на основе его индивидуального речевого опыта и затрагивает разные уровни текста –

фонетический, лексический, грамматический, распространяется не только на предвосхищение значения или формы единиц языка и речи, но и шире: на синтез единиц текста (упреждающий синтез) и установление смысла словосочетаний, предложений, содержательно-смысловой целостности всего речевого произведения. Имеет место построение реципиентом выводов, принятие им смысловых решений на всех уровнях текста.

Таким образом, речевосприятие при переводе – аналитико-синтетическая работа органов чувств и мозга – есть не пассивный, а активный процесс, сложная интеллектуальная деятельность прогностического характера, которая представлена иерархично организованными действиями по языковому, речевому и смысловому прогнозированию. К выделяемым в связи с этим И.Н. Гореловым и К.Ф. Седовым «языковой и речевой вероятности» [1] можно добавить и наличие «смысловой вероятности» как гипотетическое моделирование, интерпретация и программирование развития сообщения.

Важно указать на ключевую роль вероятностного прогнозирования в профессиональной переводческой деятельности. Чем лучше развиты навыки прогнозирования у переводчика, тем быстрее осуществляется восприятие и достижение понимания, что, в свою очередь, экономит время и умственные ресурсы переводчика, оставляет резерв времени для осуществления кодирования информации на язык перевода и реализацию адекватных трансформаций.

В случае синхронного перевода четко функционирующий механизм прогнозирования формы и содержания воспринимаемого сообщения не просто желателен, а является обязательным условием переводческой компетенции синхрониста. Очевидно, что не каждый специалист по переводу способен работать в режиме синхронного двуязычия. Можно полагать, что развитие и функционирование механизма прогнозирования и есть то важнейшее психологическое условие, обеспечивающей ряду лингвистов-переводчиков успешную карьеру переводчика-синхрониста, тогда как подавляющее большинство выпускников переводческих факультетов ограничиваются осуществлением письменных переводов текстов.

Успешное осуществление первого этапа в переводческой речевой деятельности – речевосприятия – выступает фундаментом для дальнейших действий интеллектуального характера по поиску максимально адекватной формы воплощения понятого содержания и смысла средствами другого языка с учетом допустимых отклонений формы (эквивалентность не всегда возможна, да и зачастую нерациональна), но исключая отклонения от содержания оригинального сообщения.

Несмотря на очевидную прикладную значимость изучения проблемы *речепорождения*, теоретически моделирование данного процесса еще весьма далеко от своего завершения и разработки оптимального варианта его операционального конструирования. Важно помнить, что перевод всякого

речевого высказывания – будь то предложение или текст – требует *формирования* адекватного высказывания на языке перевода. Речь именно *порождается* переводчиком через посреднический этап мыслепроизводства, а не просто перетекает с одной в другую форму воплощения того же содержания.

Производство речи при переводе а) условно последовательно (соответствующие речевые действия и операции могут протекать параллельно и налагаться друг на друга во времени), б) максимально интерактивно (имеет место постоянное обращение и возврат переводчика к тексту оригинала), в) рекурсивно (возможны альтернативные варианты перевода одного и того же высказывания), г) интуитивно (осуществляется на неосознаваемом или неотчетливо осознаваемом уровне).

Рассмотрение речепорождения в парадигме деятельностного фрейма предполагает, во-первых, что этапы порождения речи при переводе обязательно формируются по универсальной схеме структуры любой деятельности: планирование, реализация плана, сопоставление результата с целью (контроль). Во-вторых, порождение речи при переводе осуществляется как иерархическая система процессов, включающая уровень акта деятельности, уровень действий и уровень операций. В-третьих, порождение речи носит эвристический характер, т. е. при поставленной сознательной цели говорящий может произвольно (сознательно или чаще бессознательно) выбирать оптимальный способ достижения этой цели (в плане стратегий и тактик кодирования определенного содержания на языке перевода).

Основываясь на результатах исследований проблемы речепорождения отечественных психологов, можно предложить следующую схему действий переводчика на этапе порождения речи при переводе.

По завершении Ф 3 (декодирования) в сознании переводчика уже существует определенная ментальная модель сообщения как содержательный инвариант в виде семантизированных образов, требующий воссоздания средствами другого языка. Кодирование (Ф 4) знаменует переход от этой формы существования информации, от симультанной (одновременной, не развернутой во времени) предикативной организации содержания к сукцессивной (линейной) последовательности языковых элементов (в плане линейного синтаксиса). Кодирование (Ф 4) представляется интегрируемым рядом условно последовательных этапов: а) *синтаксическое программирование* и б) *лексико-грамматическое программирование*.

Синтаксическое программирование предполагает определение синтаксической схемы будущего высказывания на языке перевода, которому во внешней речи соответствует определенный тип предложения, что, как удивительно бы это не звучало, предваряет подбор лексических соответствий при переводе.

Так, Н.И. Жинкину в свое время удалось с помощью рентгеноскопии доказать, что внутренние органы предартикуляции активизируются и занимают

определенное положение еще до момента произнесения. При этом (по их положению) в большинстве случаев можно определить тип будущего предложения [3]. К тому же, материалы наблюдений свидетельствуют, что в ходе автокоррекции при переводе в 70 % случаев производятся лексические замены, а не грамматическая трансформация всего высказывания, что позволяет заявлять о первичности синтаксических структур. Функционально-синтаксический аспект порождения речи не замыкается в рамках синтаксиса отдельного высказывания, но предполагает программирование целостного текста и его отдельных содержательных блоков.

На этапе *лексико-грамматического программирования* происходит грамматическое структурирование и подбор конкретной лексики на языке перевода. А.А. Леонтьев в свое время определил уровни осознанности в речевой деятельности, обеспечивающие владение родным языком, которые можно рассматривать в качестве критериев владения иностранным языком и оценки языковой компетенции переводчика. Так, по мнению А.А. Леонтьева применение правил морфологической и синтаксической связности слов (грамматики) осуществляется на уровне *бессознательного контроля*. Подбор слов, семантически адекватных единицам оригинального текста происходит на уровне *сознательного контроля* [6, с. 162].

Достижение переводческим «свободы языка» на уровне слова, предполагающее владение богатством альтернативных единиц выражения схожего семантического содержания в зависимости от функционально-стилистической направленности переводимого текста, его смыслового и эмоционального содержания, коммуникативной ситуации – это не только показатель владения иностранным языком, но и неременное условие профессионализма переводчика. Механизм выбора иноязычных слов, таким образом, функционирует в значительной степени осознанно: имеет место либо обнаружение в вербальной памяти эквивалентной и адекватной лексической единицы, либо создание новой (оказиональной) либо, если оба варианта оказываются невозможными, целевое содержание выражается последовательностью слов.

Грамматическое конструирование высказывания на языке перевода соответствует, как выше отмечалось, психическому уровню бессознательного контроля, что особенно актуально в условиях синхронного перевода. Учитывая факт непосредственного воплощения логики человеческого мышления в грамматике языка, формирование и закрепление в сознании переводчика логико-языковых концептуальных единств (сказуемое – предикат, подлежащее – субъект, прилагательное – качество и т.д.) как для родного, так и для иностранного языков, а также знание их межъязыковых соответствий совершенно необходимо для осуществления речевых действий по кодированию содержания на язык перевода.

Можно полагать, что кодирование в процессе перевода основывается, главным образом, на использовании готовых коммуникативных единиц. Формируя высказывание, переводчик обязательно прибегаем к схемам, шаблонам, клише: языковые единицы достаточно прочно увязаны с типичными коммуникативными ситуациями и определенными сферами переводческой тематики, а также конкретными грамматическими и синтаксическими моделями.

Завершающей фазой речевой переводческой деятельности является *вербализация* текста на языке перевода в устной или письменной форме (Ф 5) – реализация содержания в звуках или графических знаках.

Стоит заметить, что выделение в речепорождении при переводе указанных фаз и этапов достаточно условно и преследует, скорее, исследовательские цели. Стадийность порождения речи не следует представлять в виде алгоритмической последовательности фаз: речь при переводе планируется и реализуется не последовательно, слово за словом, предложение за предложением, а более компактно, целостно, при параллельном осуществлении различных речевых операций в рамках одновременно совершаемых речевых действий на различных фазах переводческой деятельности.

Таким образом, речевая переводческая деятельность, в целом, представляется как сложный когнитивно-языковой процесс, аналитико-синтетическая работа органов чувств и мозга, осуществляемая в соответствии с иерархичной структурой деятельностного фрейма, стадийность которой условна в силу параллельности процессов на разных уровнях речевой деятельности. Переводческая речевая деятельность обеспечивается формированием особых когнитивных структур, отражающих внутриязыковые системные и межъязыковые связи на лексическом, грамматическом и национально-культурном уровнях. Анализ осуществляемых переводчиком действий, диагностика трудностей принятия смысловых решений на каждом этапе процесса перевода – первый и важный шаг в поиске путей снятия и / или преодоления ряда переводческих ошибок, а также оптимизации подготовки переводчиков к профессиональной деятельности.

Литература

1. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
2. Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. – 1983. – № 4. – С. 137 – 142.
3. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 158 с.

4. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: МПСИ Воронеж, 2001. – 428 с.
5. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с. (26)
6. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – 3-е изд. – М: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
8. Лисина, М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.(28)
9. Уланович О.И. Психолингвистика: Учебное пособие. – Минск: Изд-во Гревцова, 2010. – 240 с.